

В тот день, когда весь интернет гудел про торговую войну между Китаем и США, Лу Синъянь сидел в кафе и плевать хотел на мировую экономику — у него была новость куда горячее.

— Мой брат любит мужиков.

Он сказал это так, будто только что раскопал план государственного переворота.

— Ты сейчас серьёзно? — Сун Чэн чуть не уронил свой латте.

— Я своими ушами слышал! — Лу Синъянь придвинулся ближе и понизил голос, хотя и так вокруг никто не слушал.

Напротив него сидел его кореш — Сун Чэн, вечный напарник Лу Синъяня по всем дурацким авантюрам, специально вытасченный сегодня из дома «на секретный разговор».

Сун Чэн вытаращил глаза так, будто увидел летающую тарелку:

— Ты это где подслушал?!

Лу Синъянь важно кивнул:

— Вчера ночью. Этот святой вернулся домой под утро, решил, что все спят. Болтал по телефону прямо в прихожей — даже голос не сбавил. А я сидел на лестнице, чипсы ел. Слышу: какая-то девчонка ему в любви признаётся, а он ей спокойно так: «Ты что, не знала? Я гей».

Сун Чэн поперхнулся кофе и закашлялся:

— Может, это он так выкрутился, чтобы её отшить?

— Ты в своём уме? — Лу Синъянь аж обиделся за уровень подозрений. — Ты его знаешь — он если посылает, то сразу и без соплей. Зачем ему врать? Он не из тех, кто боится слухов.

Сун Чэн почесал нос, глядя в потолок. В памяти всплыл Цзян Цзи — этот идеальный старший брат, который работал, как швейцарские часы, и крошил чужие надежды о свиданиях, как сухарики.

Гей? Серьёзно?

Да хоть убей — не скажешь.

Сун Чэн шумно отпил кофе — и только тут разглядел, в каком состоянии Лу Синъянь: глаза красные, под ними синяки, вид как после марафона хорроров на максималке.

— Ты что, вообще не спал? — Сун Чэн подозрительно прищурился.

— А ты бы смог уснуть с ТАКИМ в голове? — Лу Синъянь тяжело выдохнул и уставился куда-то в чашку.

Сун Чэн чуть не поперхнулся снова. Со стороны можно было подумать, что Лу Синъянь прям до дрожи переживает за старшего брата. Но правда была противоположной — он его терпеть не

мог. Ни капельки.

Ну да, для простоты он всем говорил: «мой брат». На деле — ни разу не сказал Цзян Цзи этого в лицо. Ни «брат», ни «старший». Только сухое «ты».

Потому что Цзян Цзи ему вовсе не родной брат.

Лет десять назад мама Цзян Цзи, уже в статусе «разведена», вышла замуж за отца Лу Синъяня — состоятельного, солидного вдовца Лу Юна.

Тогда Цзян Цзи было пятнадцать, а Лу Синъяню — двенадцать.

Классическая лотерея: две раненые семьи решили склеиться и сделать вид, что будут жить «дружно». Ну-ну.

До смерти матери Лу Синъянь ещё держался — послушный мальчик с няней, всегда аккуратный, чистый, ходит на уроки фортепиано, зубрит учебники — маленький принц, который вызывал умиление у всех тётушек.

Но болезнь и смерть матери выбили у него почву из-под ног. Сначала он ещё держался с отцом, вместе горевали и утешали друг друга. Но не прошло и двух лет, как Лу Синъянь вдруг понял — отец Лу Юн уже вовсю развлекается с новой пассией, причём за его спиной.

Лу Синъянь взбесился так, что дом до сих пор вздрагивает ночами от воспоминаний. Он устроил полномасштабный апокалипсис: разнёс мебель, расколошматил половину отцовских антикварных ваз и тарелок (которые старый Лу Юн коллекционировал лет тридцать), орал на весь дом: «Ты предал маму!», а вдобавок в гневе пнул собственное любимое фортепиано.

Ну и чтобы закрепить эффект, Синъянь устроил голодовку и бодро прогуливал уроки в школе. Мол, костями лягу, но не дам притащить домой мачеху!

Лу Юн был человеком терпеливым — бизнесом командовать мог, а вот с собственным домашним ураганом справиться не сумел. Стоило ему повысить голос, как Синъянь повышал в ответ так, что шторы с карниза слетали, и с рёвом сбегал из дома.

Так они бодались два года подряд — бедный отец и гремучий ребёнок.

Когда Лу Синъяню стукнуло двенадцать, Лу Юн наконец решился на переговоры под белым флагом:

— Сынок, может, простишь отца? Дашь мне и тёте Цзян шанс быть вместе?

Синъянь посмотрел на него так, что стало понятно: шансов — ноль. Зато идея у него нашлась — действовать самому. Раз папа слабак, значит, он сам пойдёт на войну — и первым делом взялся за её сына, Цзян Цзи.

Дождь моросил, когда Лу Синъянь приехал к его школе. Он ни разу не видел Цзян Цзи вживую — только пару фоток, добытых у влюблённых одноклассниц. Девочки визжали, что Цзян Цзи — самый красивый парень в 12-й школе и что у него очередь из поклонниц, как за айфонами.

Лу Синъянь только скривился: «Тоже мне, идол сельский».

Чтобы выудить эти фото, Синъяню пришлось ещё и сыграть девочку в чате: милые смайлики, слёзки — «Ой, у меня так много соперниц?».

А как только получил фотографии, сразу удалил контакт без лишних слов.

В тот день Лу Синъянь, как назло, не взял зонт. Дождь хлестанул внезапно, солнце ещё не успело сползти за горизонт, и всё вокруг застыло в красивом оранжевом полумраке.

Когда нарисовался Цзян Цзи, Лу Синъянь его даже не сразу заметил — сам сидел под козырьком, уткнувшись в телефон, таращился на фотку Цзян Цзи и пытался вбить себе в голову каждый миллиметр его лица. Мол, вдруг этот идол затеряется в школьной толпе — а так хоть не промахнётся.

И тут — бац! — поднимает глаза и втыкается прямо в тяжёлый, явно недовольный взгляд.

— Лу Синъянь? — Цзян Цзи, оказывается, прекрасно знал, кто перед ним. Вот уж к кому все сплетни долетают без задержки.

Лу Синъянь завис. Первая мысль — вживую Цзян Цзи куда круче, чем на фото. Кожа бледная, глаза — чёрные, как долговая яма, нос острый, губы тонкие и такие, что сразу ясно: этот парень не кидается обниматься. Весь вид говорит — не подходи, а то пожалеешь.

Красавчик — слов нет. Прямо сейчас можно было бы остановить всё движение и снять школьную драму: Цзян Цзи — главный герой, а этот хлюпающий закатный антураж — массовка для декорации.

Лу Синъянь таращился на него секунд пять — не меньше. До тех пор, пока в этих чёрных глазах не увидел собственное глупое отражение.

Спохватился. Вспомнил, зачем пришёл.

— Да, я Лу Синъянь. Нам нужно поговорить.

— О чём? — Цзян Цзи даже не моргнул. Тепла — ноль. Задушевности — минус сто.

— Про моего отца и твою маму. — Ещё мелким Лу Синъянь понтов имел на троих. Выпрямился, будто ростом прибавил: — Раз ты знаешь, кто я — значит, и так всё понял. Повторять по слогам не буду.

Цзян Цзи посмотрел так, что стало ясно — да, он в курсе. И ему это не слишком интересно.

— Они собираются пожениться. Ты что думаешь?

В мечтах Лу Синъянь представлял, как Цзян Цзи подмигнёт и шёпотом предложит сговориться: «Давай сорвём эту свадьбу к чёрту». Вместо этого — пауза и взгляд сверху вниз. Будто перед ним не собеседник, а шумная муха. И скука в придачу.

Синъянь сразу всё понял: союзника тут не будет. Для Цзян Цзи эта свадьба — не проблема.

— Ты что, правда хочешь отчима? — Лу Синъянь не мог понять. — Ну ведь ясно же: семья «собери-сам» счастья не принесёт! Ты сам, разве не понимаешь что у нас не будет никакого счастья?!

Цзян Цзи только глянул холодно:

— Если ты прекратишь истерики — все будут счастливы.

— Что?

— Я сказал: не мешай моей маме выходить замуж.

Лу Синъянь только вытаращил глаза. Вот и вся дружеская беседа.

С первой встречи впечатления друг о друге явно не задались.

Прошло много лет, но Лу Синъянь помнил каждое слово Цзян Цзи. Особенно одно — оно вгрызлось в голову и так там и сидело.

«Эгоист».

Тогда Цзян Цзи сказал: «Ты думаешь только о себе. Тебе всё равно, что чувствует твой отец? Если тебе плевать — ладно. Но я не хочу быть таким. Я хочу, чтобы мама была счастлива и не терпела лишнего только ради меня».

Попытка завербовать союзника обернулась для Лу Синъяня разгромной нотацией. Он пришёл домой злой, проревелся, потом стёр слёзы, нацепил маску безразличия и позвонил отцу:

— Женись, если хочешь. Мне всё равно, что вы там решили.

После этого Лу Синъянь больше не шумел и не объяснял, почему вдруг передумал.

Через пару месяцев Лу Юн и Цзян Ваньи и правда поженились. Так Цзян Цзи стал ему «братом».

Что значит это слово — Лу Синъянь понятия не имел. Никакой братской теплоты между ними не было и близко.

Он был уверен: Цзян Цзи его не любит. И сам он Цзян Цзи не любил тоже.

С тех пор Лу Синъянь зарёкся устраивать сцены. Он хотел забыть это слово — «эгоист». А когда узнал, что Цзян Цзи каждый раз берёт первое место в школе, Лу Синъянь тоже вцепился в учёбу.

Не потому, что вдруг стал хорошим мальчиком. Наоборот — он просто до дрожи ненавидел Цзян Цзи. Его бесило это вечно «взрослое и понимающее» лицо, словно тот специально показывал всем вокруг, какой он правильный и идеальный. Лу Синъянь был уверен: стоит отвернуться — и Цзян Цзи поливает его за спиной.

С тех пор у Лу Синъяня появилась идеальная мишень — и он с головой ушёл в вечную дуэль. Плевать, как там живут отец и мачеха — вся энергия уходила на то, чтобы утереть нос Цзян Цзи.

Например: Цзян Цзи берёт первое место — Лу Синъянь тоже лезет за ним. Цзян Цзи записался в баскетбольную команду — Лу тут же вписывается. Цзян Цзи помог бабушке-соседке дотащить посылку — Лу уже стоит рядом с другой бабушкой с ещё более тяжёлой сумкой. Цзян Цзи сел играть — Лу тоже. Цзян Цзи поступил в университет — угадайте, кто ввалился туда следом.

Десять лет подряд Лу Синъянь пытался хоть в чём-то быть первым и мечтал раздавить Цзян Цзи этой победой.

Жаль только, что мечта так и осталась мечтой. Цзян Цзи будто родился каким-то многоруким идеалом: за что ни возьмись — всё делает на максимум. На выпускном экзамене он набрал по математике полный балл. Лу Синъянь — на пять меньше.

Эти пять баллов сидели у Лу Синъяня в горле, как кость. С тех пор слово «пять» стало под строгим запретом. Однажды Сун Чэн предложил:

— Эй, пойдём поиграем? Соберём пятёрку в команде?

Лу Синъянь мрачно поднял глаза:

— Ты сейчас серьёзно? Ты вообще слышишь, что ты сказал?

Сун Чэн аж рот прикрыл. Все знали: Лу Синъянь ненавидит своего «брата» так, что это уже давно перестало быть смешно и превратилось в манию.

Сначала Сун Чэн тоже думал, что это обычная ненависть. Но чем дальше, тем больше ему казалось: тут всё не так просто. В конце концов он не выдержал:

— Лу Синъянь, тебе не кажется, что ты перегибаешь? Ненавидеть — это одно, но ты за ним носишься, как подпольный фанат. Может, ну его?

— Чушь. — Лу Синъянь махнул рукой. — Мне нужна одна победа. Всего одна.

И вот сегодня, наконец-то, шанс вырвать эту победу подвернулся.

Сун Чэн так и не понял, что за шанс такой.

И пока Лу Синъянь в сотый раз полоскал воздух рассказами, какой его брат мерзкий, Сун Чэн влил в себя две кружки кофе и залип в новости про торговую войну между Китаем и США.

Вдруг он резко вскинулся:

— Ох ты ж! Трамп опять какую-то фигню в интернете написал!

Лу Синъянь сразу помрачнел:

— И что тебе до того, что там пишет этот Трамп?

Сун Чэн пожал плечами:

— А тебе что до того, с кем спит твой брат?

Лу Синъянь: «...»

Молчание повисло какое-то странное. Лу Синъянь опустил голову, вцепился в телефон и допил остывший латте. Минут через пять он снова заговорил — уже низко, серьёзно:

— У меня есть план.

— Ну давай, просвещай, — Сун Чэн отложил торговые войны в сторону и приготовился верно поддакивать.

Лу Синъянь сказал:

— Я хочу с ним встречаться.

Сун Чэн завис, открыл рот, закрыл, снова открыл:

— ...Чего? Ты сейчас что сказал? Повтори.

— Я сказал: раз он любит парней — я им и стану. Заманю его, пусть влюбится, а потом брошу к чертям. Пусть валяется и воет, зато поймёт, кто тут главный. Вот тогда я и выиграю.

Сун Чэн уставился на него как на инопланетянина.

А Лу Синъянь был доволен собой до кончиков волос:

— Ну как тебе план?

Сун Чэн мысленно застонал: Ты серьёзно? Ты всю ночь не спал — и придумал вот ЭТО?

— погоди, — Сун Чэн не выдержал. — Скажи честно, ты точно не тайный фанат брата? Ну, может, чуть-чуть?

— Не носи чушь. — Лу Синъянь даже глазом не дёрнул. — Когда кого-то так ненавидишь — всё равно, какие методы использовать. Какой ещё фанат? Я гетеро.

— Ну-ну, гетеро...

Сун Чэн только головой покачал. В голове он уже прикидывал, как свалить с девушкой куда подальше и хотя бы пару недель не видеть “братские” разборки этого отморозка.

В тот же день после обеда Лу Синъянь в отличном настроении гнал машину домой. Всю дорогу крутил в голове один и тот же вопрос: с чего начать, чтобы запасть Цзян Цзи в душу.

Лу Синъянь вообще-то знал, что он хорош собой. Ну ладно, скромно говоря — красив. Если честно — восхитительно шикарен. Рост — метр восемьдесят пять, фигура, лицо.

Опыт отношений? Ноль. Но это никак не мешало ему считать себя прирождённым сердцеедом. И даже чуть-чуть подлецом.

Только представив, как он сначала очарует Цзян Цзи, а потом выкинет его, глядя на растерянное лицо «идеального старшего брата», Лу Синъянь ощущал такой кайф, что чуть не запел во весь голос.

Будет ли он страдать? Каким будет его взгляд? Лу Синъянь буквально трясся от нетерпения.

Он припарковался у самого входа, напевая под нос что-то невнятное, и с таким же довольным видом открыл дверь.

Дом у них — трёхэтажный коттедж, просторный и обычно пустой. Днём там только Лу Синъянь и домработница. Но сегодня, на удивление, в гостиной стоял Цзян Цзи — спиной к двери и что-то тихо говорил в телефон.

Последние пару лет Цзян Цзи всё время пропадал на встречах — своё дело, стартап, какие-то важные люди. Лу Синъянь даже не вспомнил бы, когда они последний раз нормально перекинулись словом.

Как обычно, Лу Синъянь моментально натянул каменную мину. Мол, вдруг Цзян Цзи и спиной считает его холодный пофигизм.

Минут пять он так и стоял. Цзян Цзи явно услышал шаги — но даже не обернулся.

Лу Синъянь взбесился. Для эффекта швырнул ключи от машины на стол — с таким «плюх!», что весь дом вздрогнул.

Наконец Цзян Цзи обернулся.

Чёрный костюм сидел на нём безупречно. Спокойный, взрослый, идеальный. В пятнадцать он был как герой школьной дорамы. В двадцать пять — герой городского сериала про миллионеров и идеальные улыбки. Всегда чертовски неотразим.

Лу Синъянь про себя злобно хмыкнул — но когда увидел, как Цзян Цзи хмурится и смотрит прямо на него, сразу выдал старую дежурную реплику.

— Цзян Цзи. Нам надо поговорить.

<http://bllate.org/book/12484/1111986>